

УСТЬЯНИЩА

ПРОМЫШЛЕННЫЙ УГОЛОКЪ.

О черкъ

И. БУНАКОВА.

I.

УСТЫЛКЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

По Петербургу ходять разносчики — гребенщики, представляющие нечто своеобразное между мелочными столичными торговцами. Не у всехъ изъ нихъ товаръ ограничивается гребенками и гребнями, но эти составляютъ сущность ихъ торговли и отличаются большимъ разнообразіемъ. Иные изъ нихъ торгуютъ отъ хозяевъ, получая за разноску руб. 50—75 въ годъ на готовыхъ харчахъ, но большинство торгуетъ отъ себя, приобретаая своей торговлей до 100 руб. и болѣе. Эти самостоятельные торговцы — гребенщики проживаютъ по большей части въ Усачевской переулкѣ, близъ Коломны. Рано утромъ выходитъ самостоятельный торговецъ — гребенщикъ со двора со своимъ ящикомъ, въ которомъ съ возможной изящностію уложены разнообразные гребни, гребешки, гребенки, гребеночки, зубныя щетки и щеточки для ногтей, помада и т. под. „дамскія товары“, какъ называютъ ихъ сами гребенщики. Идетъ онъ по дворамъ, къ Гостинному, къ Щукинѣ и Апраксинѣ, на Сыннюю и другія столичныя торжища; торгуетъ онъ далеко не такъ навязчиво, какъ разносчики съ фруктами, или спичечниками, солидно и не торопливо, запрашиваетъ мало и съ покупателями неперебранивается. По этому покупатели любятъ гребенщиковъ, и гостиннодворцы не обижаютъ ихъ. Вообще гребен-

щики — народъ гворливый, толковый и разбитной, то есть разбитной не въ трактирномъ смыслѣ, какъ половые или маркёры ярославцы, а въ смыслѣ толковитости, смышлености; въ смыслѣ той развязности, которая лишена глуповатой застыбчивости, но отнюдь не отличается и навязчивымъ характеромъ. Если половой или маркёръ — ярославецъ плутъ преестественный, но тѣмъ не менѣе постоянно разукрашенъ синяками и фонарями у глазъ, то гребенщикъ на столько боекъ, чтобы пенонадаться на удочку плута и не наживать фонарей и синяковъ, чтобы не растеряться въ трудныхъ обстоятельствахъ, сохраняя присутствіе духа и свою толковитость всегда и всюду. Между гребенщиками нѣтъ ни одного, что называется, „рохли“, „полоротаго“, „дуракова поля“. Если половой — дашиловецъ пазойливо услужливъ, то гребенщикъ только въ такой степени общителенъ, чтобы не оттолкнуть отъ себя покупателя: онъ не зараженъ гостиннодворскими привычками, которыя — какъ извѣстно — не отличаются воздержностью ради заманиванья покупателей.

Если вы придете на себя трудъ запомнить фізіономію двухъ — трехъ гребенщиковъ, то — можете быть — замѣтите, что лица по времени мѣняются, одни исчезаютъ, являются другія. Если вздумаете познакомиться съ ними поближе, то увидите, что образъ жизни ихъ совсѣмъ не петербургскій, и разговоры ихъ вовсе не петербургскіе: вы скоро замѣтите, что это люди не столичные, что тутъ они пришельцы, и пребываніе ихъ въ Петербургъ временное, что интересы ихъ не здѣсь, а гдѣ то далеко, въ другой жизни съ иной обстановкой, иными правами, иными радостями и заботами. Потому — то они и вина мало пьютъ, и къ барышнямъ не ходятъ. Всѣ они грамотные, и вы увидите, что сами пишутъ куда то письма, преимущественно къ „дражайшимъ родителямъ“, половину своихъ посланій наполняя „купно съ лю-

бовью поклонами“ — и дядямъ, и тёткамъ, и братцамъ, и зовкамъ, и сватьюшкамъ, и божатамъ (т. е. отцамъ крестнымъ); въ письмахъ-же заключаются торговые счета, — всё они бойко считаютъ и въ умѣ, и на счетахъ, и — конечно — на серебро. Что они не только не петербуржцы, но даже и не близкіе пришельцы, это слышно и въ говорѣ гребенщиковъ, впрочемъ вообще хорошемъ и пріятномъ говорѣ, не бьющемъ въ глаза своимъ мѣстнымъ отъѣнкомъ, который — видимо сгладился, но не вовсе исчезъ: иногда „о“ грубо выдается, иногда шипящіе звуки слишкомъ усилены, иногда слова попадаются такіа, какихъ петербуржець не употребляетъ: пожирнѣе или повкуснѣе — такъ у нихъ „поволожнѣе“, постой, погоди — у нихъ „остойся“, умный, разсудительный — у нихъ „просужій“, бойкій, ловкій — у нихъ „обрѣзной“.

Дѣйствительно, гребенщики въ Петербургѣ — временные гости, какъ будто очередь отбываютъ, только готовятся для настоящей жизни и работы не здѣсь, а дома, далеко, далеко отъ Петербурга.

Всѣ они уроженцы одного своеобразнаго промышленнаго уголка, находящагося въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Всѣ интересы ихъ — въ Устьянщинѣ, то есть въ Устьянской волости, расположенной по правому берегу рѣки Кубины, начиная отъ ея устья, т. е. отъ Кубинскаго озера, и по ея притокамъ Кисти, Шуйгалѣ и др.

Верстахъ въ 4-хъ отъ впадѣнія Кубины въ озеро, на самомъ берегу рѣки, которая тутъ имѣетъ ширины сажень семьсотъ, картинно и широко разметалось большое и богатое село Устье съ красивой церковью и щеголеватой постройкой, съ каменными лавками около церкви, съ барками, каюками и лодками на

рѣкѣ. Это село, составляющее центр въ промышленномъ отношеніи не только для Устьянской волости, но и для всего края, до введенія Положеній 19 Февраля составляло собственность помѣщика Волоцкого, а теперь оно — свободно, и свободна его промышленная дѣятельность, и свободное развитіе предстоитъ ему въ будущемъ. Тоже самое — впрочемъ — можно сказать обо всей Устьянской волости, этомъ своеобразномъ промышленномъ уголкѣ, вызывающемъ многія хорошія мысли, которыя выскажемъ своевременно. Счастливое мѣстоположеніе волости, приливъ бойкихъ, смѣтливыхъ ново-городскихъ переселенцевъ къ этой мѣстности, отсутствіе крѣпостнаго барщиннаго труда, который на всякое населеніе дѣйствовалъ гораздо убійственнѣе всяческихъ денежныхъ поборовъ, такого рода обстоятельства создали здѣсь своеобразное населеніе, духъ и промышленная дѣятельность котораго заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что приводитъ къ выводамъ, какъ разъ противоположнымъ съ общепринятыми ходячими толками о русскомъ сельскомъ населеніи.

II.

СЕЛО УСТЬЕ.

Село Устье, одно изъ самыхъ многочисленныхъ въ томъ краю, вообще не отличающемся многочисленностью селеній, именно содержащее 80 дворовъ и до 450 душъ жителей об. пола (199 м. и 244 ж.), какъ мы уже сказали, стоитъ верстахъ въ 4-хъ отъ впаденія р. Кубины въ Кубенское озеро, составляя одинъ изъ главныхъ промышленныхъ пунктовъ цѣлаго края. Кубина большій изъ притоковъ озера и важнѣйшій въ судоходномъ отношеніи: протекая 340 верстъ, она судоходна на 250 верстъ, ширины имѣеть отъ 30 саж. до 1¹/₂ версты, глубины отъ ¹/₂ аршина до 2 са-

жень и очень обильна притоками. Какъ Кубина, такъ и озеро, до котораго отъ Устья, какъ говорится, „рукой подать“, очень богаты рыбой. По берегамъ тучныя пожни, да и вообще земля хорошая, плодородная. Водяной путь отсюда во всѣ стороны — къ Вологдѣ, Архангельску, Устюгу и Петербургу.

Словомъ сказать, мѣсто юркое, бойкое. Очевидно, что населеніе, которое вообще въ этой полосѣ Вологодской губерніи прошло вѣтвями по теченію рѣкъ, должно было стягиваться здѣсь и сгуститься довольно плотно. Отсюда — цѣнность земли, и естественное обращеніе къ промышленности и торговлѣ, для которыхъ мѣстные условія такъ благоприятны. Отсюда развитіе промышленной спаровки, умѣнья пользоваться мѣстными выгодами. Устьяне разбогатѣли и далеко раньше уничтоженія крѣпостнаго права хотѣли выкупиться, нежалѣя денегъ ради свободы, безъ которой правильное, самостоятельное развитіе промышленности немислимо. Теперь они, слава Богу, свободны и безъ соизволенія помѣщика, отъ котораго такъ тщетно добивались воли. За озеромъ находится въ Вологодскомъ уѣздѣ другое торговое богатое село — Кубинское, съ которымъ Устье состоитъ въ самыхъ близкихъ торговыхъ сношеніяхъ. Въ Устьѣ базаръ — лѣтомъ по воскресеньямъ, зимой по пятницамъ, въ Кубинскомъ по четвергамъ. Устьяне и Кубинцы взаимно гостятся.

Базаръ въ Устьѣ, особенно лѣтомъ, представляетъ оживленную картину народнаго торжища, потому что сюда собирается все окрестное населеніе въ огромномъ числѣ — торгъ торговать, продавать и покупать. Къ дѣлу, само собой разумѣется, присоединяется и бездѣлье: выпивка, игры, гулянье, и картина становится еще разнообразнѣе, пестрѣе, оживленнѣе. По Кубинѣ приплываютъ большія парусныя лодки и мелкія душегубки, со

всѣхъ проселочныхъ дорогъ наѣзжаютъ телѣги — парныя и одноконныя. Лавки, харчевни и питейные дома — на распашку...

Людность и степень состоятельности торговаго сборища, мы полагаемъ, будетъ въ нѣкоторой степени характеризоваться слѣдующими свѣдѣніями объ угостительныхъ средствахъ Устья. Такъ какъ здѣшнія угостительныя заведѣнія, очевидно, лишены всякаго щегольства, составляющаго личную прихоть, то они своимъ оборотомъ какъ разъ выражаютъ потребность массы, обезпечивающей ихъ существованіе. Въ Устьѣ 6 харчевень, изъ которыхъ 5 съ продажей вина по патентамъ, а 1 безъ продажи вина, и 3 питейные дома, торгующіе распивочно и на выносъ. — Харчевни — это биржи всяческихъ торговыхъ сдѣлокъ: купли, продажи, запродажи, подрядовъ и пр. Въ нихъ торговля производится почти исключительно въ торговые дни, и каждый такой день доставляетъ харчевнѣ чистаго барыша отъ 1 до 3-хъ рублей, такъ что годовой доходъ каждой можно считать приблизительно въ 120 р. с. Доходъ харчевни безъ вина нѣсколько меньше: руб. около 100, потому что главная торговля ея зимою, а лѣтніе дни даютъ ей сравнительно очень мало. Питейные дома производятъ торговлю отъ 20 до 40 ведръ въ мѣсяцъ, приобрѣтая чистаго барыша до 720 р. въ годъ.

Вообще годовая распродажа во всѣхъ этихъ угостительныхъ заведеніяхъ доходитъ приблизительно до 7000 р. с. т. е. около 140 р. въ каждый базарный день. Если предположить, что пропивается на чаяхъ и винѣ, проѣдается на пряникахъ и пирогахъ 10% съ оборотной торговой суммы, то надо полагать, что мѣлочная базарная торговля Устья имѣетъ въ годовомъ оборотѣ до 70,000 р. с., или въ одинъ базарный день до полутора тыс. Чтобы покончить съ угостительными заведеніями,

скажемъ, откуда берутъ они свои угостительныя средства. Вино въ питейные дома берется съ ближайшихъ заводовъ или изъ складовъ въ г.г. Вологдѣ и Кадниковѣ отъ 3 р. 50 к. до 3 р. 80 к. за ведро, которое въ мелочной распродажѣ сходитъ отъ 4—20 до 4—80, а въ ведерной отъ 3—70 до 4—10. Чай и сахаръ для харчевень приобрѣтается въ Вологдѣ, остальные продукты на мѣстѣ у крестьянъ—торговцевъ.

Наше вычисленіе касается мѣлочной базарной торговли Устья, что и было оговорено, потому что Устье, кромѣ того, имѣетъ крупную отпускную торговлю. Прежде всего и скажемъ объ этой крупной отпускной торговлѣ, которая сосредоточивается въ весьма не многихъ рукахъ.

Отпускъ разныхъ продуктовъ изъ Устья производится въ размѣрахъ отъ 20,000 р. до 30,000 руб. сер.

Эти продукты слѣдующіе: *зерновой хлѣбъ* отправляется въ Петербургъ съ открытіемъ воды на судахъ въ количествѣ до 107 пудъ; *телячій бульенъ*, выработываемый на мѣстномъ заводѣ, идетъ въ Вологду, Ярославль и Петербургъ, въ количествѣ отъ 300—500 п.; *салыныя свѣчи* идутъ въ Петербургъ въ количествѣ до 300 пудъ; *смола, дслотъ, пекъ, скипидаръ, канифоль, сажка*, которые закупаются въ Вельскомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ, отправляются на судахъ въ Петербургъ въ количествѣ до 10,000 пудъ; *рыба*, скупаемая у мѣстныхъ рыбаковъ на Кубинскомъ озерѣ и р. Кубинѣ, а также на озерахъ Бѣлозерскомъ и Чарамгскомъ, а зимою привозимая изъ Каргополя, идетъ въ Кадниковъ и Вологду въ количествѣ до 6300 пудъ (maximum), *свинины дѣланная и сырая*, скупаемая для выдѣлки на мѣст-

ныхъ и окрестныхъ базарахъ и ярмаркахъ, плутъ въ Вологду, Грязовець, Кадшизовъ.

Таковы главные предметы отпуска, сосредоточеннаго въ немногихъ рукахъ; но — кромѣ того — мѣстные торговцы, производящіе торговлю въ самомъ Устьѣ, отправляются со своими товарами на базары и ярмарки въ Кубенское, Заднее село и другіе торговые пункты не только Вологодской, но также Новгородской и Архангельской губерній. Такъ: двое торгуютъ *шорнымъ* товаромъ, бѣлымъ и чернымъ, и *кожаными рукавицами*, закупая эти товары въ Москвѣ, Ярославлѣ, Ростовѣ и Нижнемъ, на сумму до 10,000 руб. и приобретаемая пользы отъ 10 — 15 к. на рубль, т. е. до 1500 р. с.; эти — же двое торгуютъ *суровскимъ* товаромъ, ситцами, платками, шелковыми матеріями, сукнами, покупая эти товары въ Москвѣ, Вологдѣ и на ярмаркахъ Нижегородской и Ростовской на сумму 10,000 р. въ годъ и приобретаемая барыша до 10 к. на рубль, т. е. до 1000 р. въ годъ; *девять* торгуютъ *рыбою* съ выгодой отъ 70 к. на пудъ, *одинъ салными свѣчами* съ выгодой отъ 50 — 80 к. на пудъ, *четверо пряниками и калачами* собственного издѣлія, выручая чистаго дохода отъ 50 — 150 р. с. въ годъ, а *десять* человекъ одними *калачами*, приобретаемая барыша до 15 р. въ зиму; *шесть* торговцевъ занимаются продажей бѣлой муки, соли и др. *свѣстныхъ припасовъ*, покупаемыхъ въ Вологдѣ и Рыбинскѣ и доставляющихъ пользы торговцу до 50 р. въ годъ, а *трое — тѣмъ — же товаромъ* торгуютъ по мелочамъ съ выручкой до 15 р.; *семнадцать* человекъ продаютъ *пеньковые рыболовные заводы* своего издѣлія, наконецъ *одинъ — говядину*, закупаемую у крестьянъ окрестныхъ деревень. Такова внутренняя, такъ сказать, домашняя торговля села Устья, и таковы запасы, которыми оно снабжаетъ базары другихъ селъ.

Мѣстная заводская производительность, не включая сюда — руководѣльныя мастерства, какъ уже видно изъ сказаннаго, заключается въ слѣдующемъ: 1) *буленый заводъ*, въ которомъ работа производится зимою въ продолженіи отъ 1½ до 2-хъ мѣсяцевъ и вываривается до 500 пудъ телячьяго бульена; телята скупаются на мѣстѣ въ базарные дни цѣною отъ 6 до 7 руб. за десятокъ, а бульень сбывается отъ 6 до 8 р. за пудъ, такъ что годовая выручка доходитъ до 4000 руб., а чистый барышъ до 1000 р. 2) *свиный заводъ*, при одномъ мастерѣ вырабатывающей до 300 пудъ въ годъ. — Изъ руководѣльныхъ ремесель замѣчательны: реченье приниковъ и колачей, вязанье рыболовныхъ снастей, выдѣлка гребенокъ, выдѣлка овчинъ. О гребенщицествѣ, которымъ мы начали нашу статью, скажемъ въ своемъ мѣстѣ особо, какъ о мастерствѣ, распространенномъ по всей волости.

Вообще число промышленниковъ въ с. Устьѣ таково:

торговцевъ	31.
пряничниковъ и колачниковъ	14.
рыбаковъ	24.
служащихъ прикащиками на судахъ	5.
судорабочихъ	17.
	<hr/>
	91.

Одинъ изъ торговцевъ занимается также отпускомъ кладѣ на судахъ отъ Рыбинска до Петербурга, отъ 5 до 10 грузовъ, каждый отъ 7—10 тысячъ пудъ, приобретаая пользы на пудъ отъ 3—7 к. Въ число торговцевъ включенъ также одинъ гребенщикъ—хозяинъ: онъ привозитъ изъ Петербурга рога, кости и черепахи и раздаетъ матеріалы для выдѣлки гребенокъ и гребней по разнымъ деревнямъ, — весной изготовленные издѣлія отправляетъ въ Петербургъ, гдѣ сбываетъ ихъ въ лавки и самъ зани-

мается разною продажою въ теченіи лѣта; годовой доходъ его доходить до 200 руб. — Служащіе прикащиками на судахъ получаютъ жалованья за лѣто отъ 100—155 на готовомъ содержаніи, а судорабочіе отъ 30—50 руб.

Производительность всего устьянскаго населенія можно положить въ 17,150 р. сер. чистаго дохода. Это выручка жителей с. Устья помимо земледѣлія: оно показываетъ значительныя экономическія силы въ населеніи, но само собою разумѣется, что распредѣленіе этихъ силъ весьма неравномѣрно, почему мы и воздерживаемся отъ раздѣленія этой цифры на число домохозяевъ или работниковъ, такъ какъ полученный такимъ путемъ выводъ не характеризовалъ—бы не только средней доходности, но и доходности промышленника: относительно послѣдняго средняя цифра была—бы 188 р. между тѣмъ какъ здѣсь maximum доходности простирается до нѣсколькихъ тысячъ, а minimum падаетъ до 8 р.: очевидно, что цифра 188 не имѣетъ ни какаго опредѣленнаго смысла.

III.

УСТЬЯНСКАЯ ВОЛОСТЬ.

Вся Устьянская волость состоитъ изъ 15 сельскихъ обществъ и 48 селеній. Въ ней живетъ 1157 д. временно-обязанныхъ крестьянъ, изъ числа которыхъ 167 уже выкупили свой надѣлъ, а 13 переданы въ казенное вѣдомство. Кроме того, въ ней живутъ государственные крестьяне, мѣщане и купцы, присланные частью къ Вологдѣ, частью къ Кадникову: это бывшіе помѣщичьи крестьяне, выкупившіеся до уничтоженія крѣпостнаго права, но остающіеся землевладѣльцами и осѣдлыми жителями на своей родинѣ.

Количество земли, состоящей во владѣніи крестьянъ, простирается до 5795 десятинъ 1885 с. т. е. среднимъ числомъ слишкомъ по 5 десятинъ на душу, нѣсколько выше надѣла, опредѣленнаго Положеніемъ 19 Февраля. Оброка за землю крестьянами выплачивается 10384 р. 91 к., т. е. среднимъ числомъ болѣе 9 р. 40 к. съ надѣла: 40)-ка копѣйками больше противъ оброка, назначеннаго Положеніемъ для высшаго надѣла. Если къ этому прибавить казенныя подати, какъ денежныя такъ и натуральныя, да сборы на мировыя учрежденія и на самоуправленіе, то съ души сойдетъ около 17-ти, а съ семейства, считая въ немъ 3 души муж. п., около 50 р. сер.

Волость расположена, какъ уже было сказано, по правому берегу р. Кубины и ея притокамъ Кихты и др. Мѣстность красивая, выгодная въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, благодаря близости озера и водянаго пути во всѣ стороны, а кромѣ того весьма благодарная и въ земледѣльческомъ отношеніи. Устьяне только въ одномъ чувствуютъ недостатокъ—въ лѣсѣ, почему цѣнность лѣсныхъ, даже дровяныхъ, дачъ здѣсь довольно высока и не далеко разнится отъ цѣнности пахотной и сѣнокосной земли средняго достоинства. Въ этомъ отношеніи Устьянская волость представляетъ одно изъ исключеній въ Кадниковскомъ уѣздѣ, въ отдаленныхъ частяхъ котораго еще не много лѣтъ тому назадъ лѣсныя строевыя дачи продавались отъ 1—50 до 2 руб. за десятину. Здѣсь земля въ цѣнѣ, и покупатели на нее есть всегда между мѣстными жителями. Напримѣръ, чуть-ли не единственная помѣщичья дача на берегу Кубины, у самаго устья Кихты, поросшая по песчаной, ни на что не пригодной почвѣ мелкимъ ельникомъ, который здѣсь не достигаетъ и едва—ли можетъ достигнуть разомѣровъ строеваго лѣса, была куплена мѣстными жителями д. Филисова въ 1864 г. по 20 р. с. за десятину, и это цѣна не исключительная, какъ

можно догадываться уже по качеству земли. Иногда же при замѣчательныхъ достоинствахъ земли, цѣны здѣсь достигаютъ дѣйствительно несбыкновенной высоты, такъ-напримѣръ—въ 60-хъ годахъ сѣнокосное побережье по Кубинѣ въ 8 десятинъ, въ числѣ которыхъ 3 неудобныхъ, было куплено мѣстными жителями за 1200 руб. сер., т. е. по 240 р. за десятину. И правда, что такого сѣнокоса намъ не случалось видать ни раньше, ни послѣ, и крестьяне говорятъ, что “не велико мѣсто, а цѣны ему нѣтъ”: трава высокая, густая, нога не пробираетъ ее, и на пяти десятинахъ сѣна накашивается больше, нежели на иныхъ 50 ти.—Главными покупателями являются крестьяне, выкупившіеся на волю до обнародованія Положенія, — мужики болѣе зажиточные, торговые, съ деньгами, народъ работающій и не отбившійся отъ земледѣлія ради торговли, хотя послѣдняя преимущественно дала имъ возможность слопить деньгу, выкупиться на волю и купить землю. Большинство изъ этихъ зажиточныхъ устьянцевъ впрочемъ не крестьяне, а купцы и мѣщане, приписанные къ Вологодскому или Кадниковскому городскому обществу; но тѣмъ не менѣе эти купцы и мѣщане остаются на фактѣ жителями устьянской волости и устьянцами въ полномъ смыслѣ слова.

Вся волость причислена къ двумъ приходамъ. Общее число прихожанъ 1599 м. п. и 1816 ж. На основаніи данныхъ, которыя мы имѣемъ, можно вычислить число рабочихъ рубѣ, включая въ число работниковъ населеніе отъ 17 до 50 лѣтняго возраста: получается цифра 704 м. и 840 ж. Полагаемъ, что не лишено интереса и значенія опредѣленіе числа работниковъ, занимающихся исключительно земледѣльческимъ трудомъ, а еще важнѣе было-бы опредѣленіе численности работниковъ, посвятившихъ себя исключительно инымъ промысламъ, потому что процентное отношеніе промышленниковъ къ земледѣльцамъ всего лучше харак-

теризовало-бы направленіе дѣятельности мѣстнаго населенія. Къ сожаленію, послѣдней цифры мы дать не можемъ. Вотъ число работниковъ, для которыхъ земледѣльческій трудъ или не существуетъ, или стоитъ на второмъ планѣ, или значительно доводится иными промыслами:

Гребенщиковъ:

а) живущихъ на мѣстѣ	158.
б) временно проживающихъ въ Петербургѣ	42.
2. Торговцевъ	53.
3. Рыбаковъ	36.
4. Саножниковъ	116.
5. Портныхъ	11.
6. Плотниковъ	6.
7. Занимающихся вытягиваніемъ крючьевъ для саногъ	3.
8. Мельниковъ	8.
9. Кузнецовъ	2.
10. Занимающихся катаньемъ теплой обуви изъ шерсти	3.
11. Занимающихся вязкою рыболовныхъ заводовъ во время зимы, а лѣтомъ судорабочихъ или ры- баковъ	42.
12. Прикащиковъ на судахъ	5.
13. Судорабочихъ	17.
14. Кожевниковъ	3.
<hr/>	
Всего	505 ч.

За вычетомъ этихъ 505 человекъ, на чисто земледѣльческій трудъ остается рабочихъ муж. пола только 199 чел., т. е. чисто-земледѣльцы относятся къ промышленникамъ почти какъ 2 : 5.

Но изъ этого нельзя еще заключать, что характеръ населенія промышленный по преимуществу. Надо имѣть въ виду, что для большинства промышленниковъ преобладающее значеніе имѣетъ все таки земледѣльческій трудъ. Справедливѣе и вѣрнѣе можно сказать, что характеръ дѣятельности устьянскаго населенія смѣшанный, промышленно-земледѣльческій, и преобладаніе того или другаго элемента колеблется на разныхъ пунктахъ, въ частныхъ явленіяхъ. Въ будущемъ—же, конечно, надо ожидать, что—по мѣрѣ возрастанія населенія и увеличенія средствъ и энергіи его подѣ влияніемъ экономической свободы—промышленность и торговля возьмутъ перевѣсъ и стануть преобладающимъ свойствомъ устьянскаго населенія.— Не надо думать, что промышленная дѣятельность устьянцевъ въ настоящее время обуславливается исключительно необходимостью. Ни свойство почвы, ни характеръ жителей не представляются не благоприятными для земледѣлія, которое и стоитъ здѣсь, сравнительно съ сосѣдними мѣстностями, въ хорошемъ положеніи. Устьянецъ вовсе не отгораживается отъ земледѣльческаго труда, — но напротивъ, люди, разжившіеся торговлей, скупаютъ земли и тщательно воздѣлываютъ ихъ, не только не отрываясь отъ родной осѣдлости, но глубже и глубже коренясь въ ней. Даже отлучки въ столицу, на которыя чередуется значительная доля населенія, не отрываютъ отъ родной почвы, и каждый устьянецъ, нѣсколько лѣтъ прожившій въ Петербургѣ, въ концѣ концовъ поселяется таки окончательно на родинѣ, предоставляя другимъ поѣхать въ Петербургъ, обзаводясь семьей и продолжая дома свой промышленный трудъ на ряду съ земледѣльческимъ. И производительность почвы не такова, чтобы отбивать отъ земли и отъ земледѣльческаго труда. Обращикомъ ея могутъ служить урожаи священно-церковно-служительскихъ земель за 1863 т. е. весьма не плодородный годъ, о которыхъ мы получили свѣдѣніе изъ

прямого источника: *озимое (рожь)* самъ шесть, *яровое (пшеница)* самъ третьей, *картофель* — самъ пятъ: урожай довольно хорошій для юго-западной оконечности Вологодской губерніи, и даже очень хорошій для 63 года. Полнота надѣловъ у временно-обязанныхъ крестьянъ (5 дес. на душу) показывать, что и недостатка въ землѣ пока нѣтъ, особенно если вспомнимъ, что многіе крестьяне имѣютъ свою землю, а до введенія уставныхъ грамотъ владѣли и помѣщичьей землей въ количествѣ значительно большемъ, такъ что по всей волости осталось у помѣщиковъ за надѣломъ 2418 д. 239 саж. т. е. отъ крестьянъ отошло болѣ $\frac{1}{3}$ доли ихъ угодій (изъ 8049 д. отошло 2418, пошло въ надѣлъ 5570, отдано сверхъ надѣлъ 61 д.): намъ очень хорошо извѣстно на самомъ дѣлѣ, что до крестьянскаго вопроса помѣщики не ограничивали владѣніи крестьянъ, предоставляя имъ пользоваться всею землею, состоящею при имѣніи, и весь доходъ съ имѣній былъ рассчитанъ на оброкахъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что значительное развитіе промышленнаго элемента въ дѣятельности Устьянцевъ обусловливается не столько благоприятными условіями мѣстности, сравнительною экономическою свободой, зависящей отъ отсутствія барщиннаго труда, а также нѣкоторыми историческими причинами, на которыя мы укажемъ ниже въ краткомъ очеркѣ, — короче, отъ разностороннихъ владѣній, развившихъ въ населеніи духъ предприимчивости и изобрѣтательности.

Общая производительность промышленнаго труда Устьянской волости, или точнѣе — чистый барышъ, доставляемый этимъ трудомъ, доходитъ до 32,900 руб. сер. А за исключеніемъ барыша крупныхъ торговцевъ, представляющихъ явленіе исключительное, на долю рядовыхъ промышленниковъ, изъ которыхъ почти всѣ

кромѣ того—занимаются земледѣіемъ, приходится приблизительно до 18,500 р. с. что на одного промышленника даетъ среднимъ числомъ до 40 р. с. Впрочемъ этому среднему числу не надо придавать большаго значенія, такъ какъ здѣсь множество ступеней и разность между *maximum* и *minimum* все таки весьма значительна. Предполагая нормальный составъ крестьянскаго семейства въ 8 душъ обоюго пола (по общепринятой схемѣ), именно: 2 работника, 2 работницы, стар. и малолѣт. об. п. 4, можно положить, что семейство, занимающееся промышленностью, сверхъ земледѣльческой заработной, добудетъ р. 80. Любопытно эту доходность сравнить съ суммою, необходимаго для содержанія нормального семейства въ этой мѣстности. Эта сумма обыкновенно складывается изъ такихъ элементовъ: *постройка*, принимая во вниманіе стоимость матеріаловъ и работы, включая сюда—избу, амбаръ, сарай, овинъ и баню, годовая трата на которую опредѣляется раздѣленіемъ цѣнности каждаго строенія на приблизительное число лѣтъ его возможнаго существованія съ прибавкой 20% на ремонтъ: 7 р. 70 к.; *отопленіе* избы и овина и *освѣщеніе*, требующее отъ 4 до 6 куб. саж. дровъ и отъ 3-хъ до 4-хъ возовъ лучины: 5 р. 75 к.; *расходы на обзаведеніе*: 5 р.; *издержки на пищу*, которыя для одного работника опредѣляются въ 3 четверти ржи съ прибавленіемъ $\frac{1}{2}$ этого на приварникъ, на женщину $\frac{4}{5}$ этого на малолѣтняго и старика $\frac{1}{2}$: 80 р.; *одежда*: 30 р.; *церковныя требы*—1 р.—50 к. Общая стоимость содержанія семейства будетъ около 130 р. Слѣдовательно, средній доходъ семьи отъ промышленности и торгѳовли не покрываетъ всѣхъ расходовъ на содержаніе, оставляя на долю земледѣлія заработку недостающихъ 50 р. на содержаніе, да на уплату податей и повинностей, около 50 р. с., всего 100 р. Даетъ—ли столько земледѣіе? Полагая на семейство тринадѣла съ уржаемъ

до 30 четвертей ржи и 9 яревого хлѣба, доходъ съ земледѣлія можно положить примѣрно до 120 р. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ наши схематическія вычисленія даютъ намъ понятіе объ устьянскомъ семействѣ, какъ о семействѣ обеспеченномъ весьма удовлетворительно, частью производительностью земли, частью развитіемъ промышленности. Этою обеспеченностью семейства объясняются многія стороны устьянской жизни, составляющія особенность этой волости. Само собой разумѣется, если-бы мы брали не схематическое семейство, то нашли-бы много такихъ, которыя вполне обеспечены помимо земледѣлія — торговлей или какимъ-либо промысломъ, и на оборотъ — не мало такихъ, для которыхъ промышленность служить весьма не значительнымъ подспорьемъ въ хозяйственномъ быту, основанномъ главнымъ образомъ на хлѣбосаществѣ. Что крестьяне не всегда имѣютъ возможность уплатить своевременно всѣ свои расходы, доказательствомъ этого служить существованіе и быстрое развитіе ссудныхъ кассъ, которыя нельзя не придавать очень важнаго значенія, какъ будущимъ общественнымъ банкамъ. Одна изъ нихъ открыта по проекту Мироваго Посредника 1-го участка при волостномъ Правленіи въ 1865 году, 34 Марта: при открытіи основной капиталъ ея состоялъ только изъ 140 р. 3½ к., а къ 1866 году она имѣла уже 336 р. 51 коп., слѣд. капиталъ возросъ слишкомъ на 130% менѣе нежели въ годъ. Ссудами крестьяне покрываютъ недостатки свои при уплатѣ оброковъ и податей. Другія ссудная касса уже давно существуетъ въ имѣніи г. Галахова въ Зародовскомъ сельскомъ обществѣ и владѣеть нынѣ капиталомъ въ 1376 р. с.

IV.

**КОЕ-ЧТО ОВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЪ ПРО-
МЫШЛЕННОГО УГОЛКА.**

Это „кое— что“ будетъ весьма кратко и блѣдно: оно можетъ послужить только фономъ, на которомъ нарисуются главнѣйшія историческія вліянія, способствовавшія появленію такихъ фактовъ, какъ нашъ „промышленный уголокъ“, Ни тѣни историческаго изысканія или излѣдованія не будетъ: просто указаніе на факты общеизвѣстные, безъ всякихъ подробностей, безъ всякъ претензій, и не мудрое толкованіе этихъ фактовъ, на сколько могутъ они относиться къ нашему „промышленному уголку“, объясняя складъ его жизни. А всё таки начинать-то приходится изъ далека, словно затягивать и не-богъ-вѣсть какую длинную историческую монографію. Пусть—же читатель не пугается этого начала изъ-далека и остается въ увѣренности, что не много, очень не много страницъ придется ему перевернуть, чтобы добраться до конца этой монографіи, на живую нитку сшитой изъ обрывковъ чужихъ излѣзованій.

Извѣстно, что ве ли, вошедшія въ составъ нынѣшней Вологодской губерніи, въ древности составляли часть дикой, слабо-населенной Біармін, которая была населена языческимъ народомъ финскаго имени, извѣстнымъ подъ именемъ Біармовъ или Чуди заволочкой. Остатокъ этого народа, Зыряне, до сихъ поръ сохранили свои племенные особенности въ Устьесольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ. Около XI вѣка этотъ пустынный, богатый лѣсомъ, дичью и звѣринными шкурами, край обратилъ на себя вниманіе Новгородцевъ, которые и стали мало по малу колонизироваться и водворяться здѣсь, имѣя въ виду выгодную торговлю съ лѣскими тузем-

цами—звѣроловами. Эта колонизація, конечно, не могла идти мирнымъ путемъ, безъ борьбы между бойкими колонизаторами и дикими туземцами. Борьба была упорная: Чудь не хотѣла сдаваться живою, и преданіе рассказываетъ, что туземцы, защищаясь отъ пришельцевъ, въ крайности за—живо погребали себя въ „погибельницахъ“, которыя не рѣдко встрѣчаются по Вологодской губерніи, а у мѣстныхъ жителей слывуть подъ названіемъ „Чудскихъ могилъ“. Ущербство Чудской природы объясняетъ многія особенности, которыми отличаются инныя бытовныя формы у Вологжанъ. Настойчивость и предпріимчивый духъ Новгородцевъ вышли съ полной побѣдой изъ этой борьбы; приливъ Руси къ заволоцкой Чуди усиливался, захватывалъ все болѣе и болѣе широкое пространство; возникали селенія, городки и города: здѣсь явилась новгородская, промышленно—предпріимчивая жизнь, со всѣми ея красками—и отсюда хлынула по всѣмъ направленіямъ. Трудно провести черты, обозначающія слѣды ея теченія, трудно съ точностью указать отбѣнки, проведенныя ею въ бытъ жителей. Конечно, можно—бы указать на Вологду, Глядень (Устюгъ), Тотму, Верховажье, Андонскіе починки, городки Орлецъ, Подосиновскій, Бичменгскій и др., деревню Новгородовскую и пр. Но для насъ это не нужно, да и завлекло—бы насъ слишкомъ далеко.—Хотя аборигены края ассимилировались приливомъ новгородскихъ выходцевъ, но струя новгородскаго начала прѣбѣжала не съ одинаковою силою и не съ одинаковымъ успѣхомъ парализировала финскую неподвижность, неуклюжесть и неподатливость по всѣмъ составу быта туземцевъ. Извѣстно, что остался даже такой уголь, котораго вліяніе Новгородцевъ вовсе не коснулось: Зыряне.—Поэтому—то неравность въ характерѣ населенія губерніи совершенно понятно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, какой элементъ въ данной мѣстности принялъ преобладающее направленіе—мѣстный—ли, новгородскій—ли. Конечно,

преобладаніе послѣдняго выражается подвижностью, энергіей и духомъ предприимчивости. Какъ сравненіе нашихъ древнѣйшихъ городовъ, центровъ новгородской цивилизаціи, съ новѣйшими, созданными администраціей, обнаруживаетъ поразительную разницу, тоже самое еще въ сильнѣйшей степени замѣчаемо и при сравненіи сельскаго быта, на который — кромѣ того — очень сильное вліяніе имѣло крѣпостное право. Новгородская колонизація развивалась, какъ весьма понятно, по теченію рѣкъ, и смиренныя прибрежныя селенія всего болѣе сохранили въ себѣ начала новгородской промышленной жизни. Это селенія по берегамъ Двины, Сухоны, Юга, Ваги, Кубины: они отличаются большою подвижностью жителей, бойкостью, предприимчивостью, больше содержатъ самостоятельнаго колорита, нежели новѣйшіе города, каковы Кадниковъ, Грязовець. Очевидно, что крѣпостное право, пройди оно по этимъ селеніямъ во всей своей грозѣ, то есть съ барщиной и стонными днями, съ барскими замками, конюшнями и охотами, сгладило — бы слѣды Новгородской вольницы. Но этого не случилось не только въ среднихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, совершенно чуждыхъ крѣпостному праву, но даже и въ Кадниковскомъ, въ одномъ изъ крѣпостныхъ югозападныхъ уѣздовъ, именно въ с. Устьѣ, потому что крѣпостное право съ оброкомъ еще далеко не то, что барщина съ барской усадьбой на носу у крестьянъ: оно могло только замедлить развитіе края, но задавить его, даже остановить, обречь на нѣсколько лѣтъ совершенно неподвижнаго стоянія, — оно не могло.

V.

УСТЬЯНСКІЕ ГРЕНЕЦКИИ И РЫВАКИ.

Изъ всѣхъ промысловъ, существующихъ въ Устьянской волости, мы рассмотримъ отдѣльно—два, какъ представляющіе свое-

образныя черты и по преимуществу являющіе мѣстную особеннѣсть, еще очень мало обшавшую на себя вниманіе, — именно гребенщицтво и рыбачество.

Уже было приведено нами ранѣе, что въ Устьянской волости 158 гребенщиковъ, проживающихъ дома, и 42, временно проживающихъ въ Петербургѣ. Слѣдовательно, общее число промышленниковъ этого рода простирается до 200. Наибольшее число ихъ принадлежитъ деревнямъ: Зародову, Бунареву, Телицкнну, Ворвину, а въ Петербургѣ проживаютъ наиболѣе изъ деревни Кормилихи. Вообще-же этотъ промыселъ распространенъ довольно равномерно по волости, исключая деревни: Перцово, Прынцово, Усово, Бекетово, Федоровское, Копылово, Болоньино, Самалиху, Полуостровъ, Коваурово, Кузнецово и Лахмокурье, — всего 12 деревень изъ 48.

Собственно говоря, этотъ промыселъ можно подраздѣлить на три отдѣла: къ первому принадлежитъ приготовленіе рога, т. е. переработка его въ плитки, удобныя для выдѣлки гребенокъ, ко второму — собственно работа гребенекъ изъ готовыхъ плитокъ, къ третьему — разносная продажа издѣлій въ Петербургѣ.

Главнѣйшимъ образомъ эта работа распространяется по волости отъ капитальныхъ хозяевъ, которые получаютъ матеріалъ изъ Петербурга или покупаютъ въ окрестности и раздаютъ его по рукамъ для обработки, каковы напр. купцы Красавины, проживающіе въ д. Фелисовѣ, или тотъ гребенщикъ-хозяинъ, о которомъ мы говорили, описывая промышленную дѣятельность с. Устья.

Для первосначальной обработки рога, т. е. для выдѣлки изъ него плитокъ, устраивается особаго рода заведеніе съ печью,

постройка котораго стоить руб. 15 сер. Прежде всего рога рѣ-
жутъ и размягчаютъ въ котелкѣ, потомъ разгибають на горнѣ,
послѣ чего образуются уже правильныя плитки, годныя для вы-
дѣлки гребенокъ. За такую обдѣлку рога хозяева платять отъ 7
до 9 руб за тысячу, кромѣ того, оставляя въ пользу работника
сбрѣзки. Эти сбрѣзки работники сбываютъ на заводы по 50 в.
за пудъ, и ихъ въ зиму скапливается до 80-ти пудъ. Расходы
при обработкѣ сеставляютъ около 30 руб., включая сюда между
прочимъ, плату мальчику, состоящему при работникѣ въ каче-
ствѣ необходимаго помощника, по одному рублю ассигнац. въ не-
дѣлю, также расходъ на покупку углей по 2 руб. за возъ въ
количествѣ 7—8 возовъ въ зиму и т. под. Вообще за рас-
ходами, остается чистаго барыша около одного руб. въ недѣлю,
не считая сбрѣзковъ.

Выдѣланныя роговыя плитки хозяевами раздаются для выдѣл-
ки грбней и гребенокъ по всей волости: каждый, желающій имѣть
такого рода работу, уже знаетъ, куда обратиться, и недостатка
въ работѣ не бываетъ. Плата опредѣляется съ сотни и объ усло-
вливается чистотой работы, изящностью и тонкостью обдѣлки,
которая зависить сколько отъ искуства, столько—же и отъ спѣ-
шности или неторопливости работника. Между гребенщиками есть
въ своемъ родѣ художники, виртуозы, достигшіе дѣйствительно
замѣчательнаго мастерства въ обдѣлкѣ рога: они гордятся тон-
костью и чистотой своей работы, дорожатъ своей славой и рабо-
тають не торопясь, чтобы не положить охулки на руку. Очень
хорошихъ гребенокъ не возможно сдѣлать въ день болѣе пяти,
какъ бы мастеръ не набилъ свою руку, какъ бы ловко ни владѣлъ
онъ своими пилками, напилками, рѣзцами, терпугами и сверли-
ками: таковы орудія гребенщика, которыя онъ имѣетъ свои соб-
ственныя, прибрѣтенныя въ Вологдѣ. Зато за сотню такихъ

гребенокъ хозяева платятъ до 5 руб. сер. Смотря по достоинству работы, цѣна падаетъ до 3, до 2-хъ до 1-го руб., даже до 50 и 40 к. за сотню, такъ что иной гребенщикъ вырабатываетъ не болѣе 35 к. въ недѣлю. Но такъ какъ эта работа производится обыкновенно въ зимнее время, то и такой заработокъ имѣетъ не маловажное значеніе: онъ почти даетъ возможность покрыть оброкъ за одинъ душевой надѣль. А это — вѣдь — minimum заработка гребенщика. Впрочемъ и maximum этого мастерства, при условіи работы на хозяевъ, не превышаетъ 1 р. 25 к. сер. въ недѣлю. Выгоднѣе оно для тѣхъ мастеровъ, которые стоятъ независимо отъ хозяевъ, т. е. сами скунаютъ рогъ на кожевенныхъ заводахъ, при чемъ цѣна этого матеріала обыкновенно не превышаетъ 3-хъ руб. сер. за 100 паръ, сами выравляютъ рогъ, обращая его въ плитки, и сами же вырабатываютъ изъ нихъ гребенки, которыя или отправляютъ въ Петербургъ, или сбываютъ въ Вологдѣ и наразныхъ ярмаркахъ. Minimum заработка такихъ самостоятельныхъ мастеровъ не падаетъ ниже 95 к. сер. въ недѣлю, а иногда доходить до 200 руб. въ годъ. О гребенщикахъ, проживающихъ въ Петербургѣ, было говорено въ началѣ статьи.

Теперь перейдемъ въ рыбакамъ. Если гребенничество можно считать счастливою случайностью, которая принялась и укоренилась въ Устьянской волости, благодаря смысленности и толковимости устьянцевъ, то рыбачество можно назвать здѣсь естественною промышленностію, указанною самой природою. Оно и развилось въ деревняхъ, наиболѣе удобно расположенныхъ въ этомъ отношеніи, а именно рыбаки промышленники живутъ:

въ д. Онросиньинѣ	.	.	4.
въ с. Устьѣ	.	.	7.
въ д. Лахмобурьѣ	.	.	50.

Всего въ волости . 61.

Непосредственную связь съ рыболовствомъ имѣеть вязанье рыболовныхъ „заводовъ“ изъ пеньковой пряжи, которымъ занимаются 25 человекъ изъ Лахмокурскихъ рыбаковъ, да 17 работниковъ въ с. Устьѣ, на лѣто уходящихъ судорабочими на баркахъ вологодскихъ купцовъ. Это промыселъ чисто зимній. Пенька для вязки покупается на базарахъ, а „заводы“ продаются на мѣстѣ рыбакамъ привубенскихъ селеній. Вязанье заводовъ даетъ работнику отъ 30—40 к. въ недѣлю, а за всю зиму отъ 8—10 р. барыша.—Изъ приведенныхъ цифръ видно, что приобладаніе рыбачества и обусловливаемого имъ вязанья рыболовныхъ заводовъ главнѣйшимъ образомъ развито въ д. Лахмокурье. Это преобладаніе придало лахмокурскому населенію нѣкоторый поэтическій оттѣнокъ удалства своего рода, свойственного жизни рыбака, наполненной приключеніями,—и мѣстная пѣсня, характеризующая около 20 изъ устьянскихъ деревень, оканчивается такимъ поэтическимъ обращеніемъ къ Лахмокурью:

- “ Рыболовы на—голо
- “ Лахмокурски мужики:
- “ Перву тоню заматали
- “ Имъ два мерина попали,
- “ Другу тоню заматали,
- “ Имъ кобыла съ жеребцомъ,
- “ Третью тоню заматали,
- “ Имъ три дѣвушки попали. „

Поприще устьянскихъ рыбаковъ—Кубенское озеро и р. Кубина. Ловъ начинается тотчасъ по разлитіи озера, т. е. около 15 Апрѣля, и продолжается до покрытія его льдомъ, около 20 Октября; но и послѣ того часть рыбаковъ остается для ловли по тонкому льду до Декабря. Пропускъ составляетъ то время, ко-

гда озеро *рветъ*, то есть, когда ледъ, достигшій почти трехъ вершковой толщины, съ громомъ трескается, образуя на нѣсколько верстъ длины щели, которыя потомъ замерзають и заиваются безслѣдно. “ Озеро рветъ „, говорятъ рыбаки, прислушиваясь въ оглушительнымъ ударамъ, и пережидаютъ.

Въ озерѣ ловятся: окунь, ершь, налимъ, харьюзъ, сигъ и нельма, часто въ 10—12 ф. вѣсу, а изрѣдка отъ 20—22 ф., щука не рѣдко 20-фунтоваго вѣса, карась, лещь, язь, сорога, елецъ, уклейка, пескарь, казарка и нельмушка, рѣдко стерлядь, и наконецъ раки.— Кубина главнѣйшимъ образомъ даетъ богатый уловъ нелмушки, маленькой, вкусной рыбки, хорошо извѣстной вологжанамъ и очень любимой ими. Ловъ нелмушки производится на Кубинѣ не долѣ мѣсяца и только близь устья рѣки, которымъ и овладѣли—съ правой стороны рыбаки устьянскіе и лахмокурскіе, а съ лѣвой рыбаки с. Чиркова, расположеннаго на противоположномъ берегу. Дѣло въ томъ, что вкусная семи—вершковая нелмушка, которая наростится (бросаетъ икру) осенью, въ началѣ октября стадится, направляясь изъ озера къ устью Кубины, отличающейся необыкновенно чистымъ вѣснымъ дномъ, и подымается верстъ на 70—80, чтобы метать икру. Этотъ ходъ продолжается около двадцати дней, а за тѣмъ, спустя неделю, начинается обратное движеніе нелмушки къ озеру. Этотъ мѣсяць—самый добычливый и выгодный для мѣстныхъ рыбаковъ. Стоитъ обратить вниманіе на здѣшнее рыбацкое хозяйство: рыбаки составляютъ общину, артель, каждый рыбакъ имѣетъ право на опредѣленное число застѣнковъ и вершъ, каждый свою добычу сполна передаетъ выборному старшинѣ, который, какъ лице довѣренное отъ всей рыбацкой общины, продаетъ рыбу прасоламъ рубля по 4 за тысячу; за тѣмъ слѣдуетъ мирный дѣлежъ выручки.

Рыба продается не вся въ свѣжемъ видѣ: мелочь “моль”, или “сѣрая рыба”, сушится въ печахъ и продается въ видѣ суща около 3 р. 50 к. за пудъ. Для ловли нельмушки употребляются льняныя верши изъ самой тонкой сученой пряжи съ неньковымъ застѣнкомъ, длиной въ десять, шириною въ двѣ сажени. Верша помещаетъ въ себѣ отъ 600—700 рыбокъ. На озерѣ употребляются невода, достигающіе иногда до 200 с. длины, требующіе до шести работниковъ; а зимою такіе невода закидываются по два разомъ—одинъ противъ другаго—и даютъ до 10 пуд. рыбы въ тоню, требуя при томъ до 20-ти работниковъ, такъ какъ зимняя ловля трудна и требуетъ большой снаровки и опытности. Лѣтомъ хорошая тоня даетъ до 20 пуд.

Весеннее рыболовство по почамъ съ лучемъ и острогой болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ: здѣсь оно тоже въ употребленіи.

Считаемъ излишнимъ распространяться объ устьянскихъ портныхъ и сапожникахъ, такъ какъ эти ремесла здѣсь не представляютъ ничего своеобразнаго. Замѣчательна только высокая цифра сапожниковъ—116, свидѣтельствующая косвеннымъ образомъ о зажиточности населенія: принимая ее за выраженіе мѣстной потребности, уже безъ всякихъ личныхъ наблюденій можно догадываться, что кожаная обувь въ Устьянской волости вытѣсняла употребленіе лаптей, а извѣстно, что это признакъ хорошей.

VI.

ЧЕТЫРЬ УСТЯЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Теперь, когда промышленный бытъ устьянцевъ опредѣленъ нами, насколько позволили имѣющіяся подъ руками данныя, по

лишнимъ будетъ коснуться ихъ нравственной стороны, такъ сказать, цивилизаціи ихъ, выражающейся въ образовательныхъ средствахъ и въ литературѣ, разумѣя подъ этимъ названіемъ, конечно, устную словестность, которая тѣмъ не менѣ представляетъ не моментальное, случайное явленіе, а результатъ жизни, выражающей духъ населенія и уровень его нравственнаго развитія.

Если вы лѣтомъ, проживая въ одной изъ устьянскихъ деревень, будите смотрѣть изъ окна изъбы на улицу, то увидите толпы ребятшекъ, которые несутся и кричатъ, обзывая другъ друга болѣе или менѣ мѣткими и ѣдкими кличками, имѣющими нѣсколько пѣвучую форму и признаки рифмачества, какъ „Арсюта-пирсюта,“ „Ерема-косыя дерева,“ „сидитъ баба на кочкѣ оскалила зубочки“ и т. под. Вся эта арава крикливыхъ и драчливыхъ ребятъ воспитывается, впрочемъ, не исключительно на улицѣ: извѣстно, что въ русской народной жизни уличныя картины—главные ребячьи учителя, съ дѣтства сдружающіе ихъ съ правами и дѣятельностью родной деревни. Жизнь родной деревни прежде всего переходитъ въ ребячьи игры, предметомъ которыхъ у ребятъ устьянскихъ по этому и являются—гребенщичество, поѣздки съ гребенками въ Питеръ, рыболовство, торговля камышками, ласкутьями, бабками, удочками и т. под. Но мы уже сказали, что уличными картинами не ограничивается воспитаніе устьянца. Съ девяти—десяти лѣтъ мальчикъ, иногда и дѣвочка, поступаетъ въ науку. Въ устьянскихъ деревняхъ грамотность получила право гражданства уже давно, и болѣе половины муж. населенія—грамотны. Это объясняется очень просто: грамотность здѣсь имѣетъ практическое примѣненіе, и потребность въ ней чувствуется весьма. При торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ надо умѣть счета писать, а при отлучкахъ изъ дома увѣдомлять старшихъ о ходѣ дѣлъ, да и о себѣ, о своемъ благосостояніи. Въ промышленномъ

дѣлѣ, грамотный двухъ не грамотныхъ стоитъ. А извѣстно, что русскій крестьянинъ не отрицаетъ только того, въ чемъ видитъ практическій смыслъ, изъ чего можетъ сдѣлать немедленное употребленіе. Практическая же, житейская grimънимость грамоты, утвердивъ ее въ Устьянскомъ населеніи, вызвала и другое, болѣе широкое ея приложеніе: устьянцы кое-что почитываютъ, и можетъ быть ни гдѣ не разошлось столько книгъ, для народнаго чтенія изданныхъ въ послѣднее время, какъ въ этой мѣстности. По всѣмъ вѣроятностямъ, не далеко и то время, когда грамотность сдѣлается здѣсь орудіемъ для приобрѣтенія реальныхъ знаній, то есть получить вполне свое настоящее значеніе.

Гдѣ-же учились и учатся устьяне? въ с. Устьѣ по официалънымъ свѣденіямъ значится школа, въ которой въ 1865 году состояло 29 учениковъ, а учить кончившій курсъ воспитанникъ Семинаріи. Сколько намъ извѣстно, школа въ хорошемъ положеніи и вызвана не чисто-административнымъ т. е. внѣшнимъ распоряженіемъ, а сознанной потребностью мѣтнаго населенія; она и содержится на счетъ сборовъ съ крестьянъ. Но она открыта не давно, да и число учащихся въ ней очень немногочисленно, удовлетворять всю волость, кромѣ самыхъ ближнихъ селеній, она ни какимъ образомъ не можетъ. Напримѣръ, деревня Бѣлавино находится верстахъ въ 12-ти отъ Устья и пользоваться этой школой, очевидно, не имѣетъ возможности, а между тѣмъ въ ней не только подрастающее поколеніе, но и домохозяева почти всѣ грамотны и сами подписались подъ уставной грамотой и выкупнымъ договоромъ. Населеніе муж. пола обоихъ приходо-въ, къ которымъ приписана волость, моложе 17 лѣтъ составляетъ 658 чел., а населеніе между 9—17 около 220 (по общепринятому способу вычисленія юношество, находящееся въ возрастѣ, требующемъ обученія, составляетъ $\frac{1}{6}$ общаго числа, но этотъ возрастъ принимается въ иныхъ границахъ, и потому,

на основаніи этого вычисленія, цифра 220, которою мы опредѣляемъ юношество Устьянской волости, должна быть увеличена): не можетъ же быть, чтобы въ населеніи, чувствующемъ потребность въ грамотности, какъ практически полезномъ искусствѣ, обучалось только 13⁰/₁₀₀ юношества? Очевидно, что народъ находить, по мимо устьянской школы, другія средства для обученія грамотѣ. Каковы эти средства—это другой вопросъ. Года два тому назадъ, мы сами слышали отъ крестьянъ жалобы, что—“вотъ-де учить ребятъ надо, а хорошихъ учителей нѣтъ.„ Тогда еще не было и устьянской школы. Замѣчательно, что тѣ-же жалобы мы слышали отъ крестьянъ въ Рязанской и Воронежской губерніи: “учить надо, а учителей путныхъ нѣтъ, и взять ихъ не гдѣ. Нанимали, и деньги хорошія платили, а все дѣло нейдетъ на ладъ. Большею частью учителя оказываются пьяницами: недѣлю учать, а двѣ лежить пьянъ, какъ стелька, ни какъ съ нимъ не сообразишь.„ Вологодская губернія въ послѣднее время была въ этомъ отношеніи счастливѣе другихъ, благодаря Семинаріи, снабдившей многія народныя школы хорошими учителями. Мы полагаемъ, что истиннымъ благомъ для народа было-бы устройство при Семинаріи педагогическихъ курсовъ съ воскресной школой для практическихъ занятій.*) Но здѣсь развивать эту мысль было-бы не уместно.—Прежде, нежели говорить о народныхъ средствахъ обученія грамотѣ помимо школы, упомяну о томъ, чѣмъ замѣнялась эта школа въ прежнее время. Не знаю, существуетъ—ли теперь въ Устьѣ содержатель, такъ сказать, вольнаго пансіона, по имени Варфоломей вольноотпущенный дворовый человѣкъ, грамотѣй по ремеслу. Если существуетъ, то число обучающихся въ Устьѣ должно быть больше 29. Онъ бралъ къ себѣ дѣтей не на выучку, а просто въ ученье, не опредѣляя ни срока выучки, ни количества уроковъ, а

(*) Въ настоящее время существуетъ въ Вологдѣ такая школа при Уѣздномъ училищѣ. Ред.

такъ, на безъотчетное проживаніе у него, обуславливая только количество харчей и денегъ, доставкой которыхъ обязывались родители. Тѣмъ не менѣе, за неизбѣнимъ ни чего лучшаго, ему вѣрили, а можетъ быть и вѣрятъ, и его закрытое учебное заведеніе, года въ два—въ три научающее кое—какъ читать и немножко писать, чуть—ли не существуетъ по сію пору.

Способъ обученія грамотѣ въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ Устья, мы видѣли на очію. Приглашается на домъ, конечно на хлѣбъ и за извѣстное денежное вознагражденіе, страстующій грамотѣй, какойнибудь отставной чиновникъ или солдатъ. Денежное вознагражденіе не превосходитъ 50 к. съ мальчика. У такихъ педагоговъ ученье въ полномъ смыслѣ слова обращается въ мученье, въ чемъ мы удостовѣрились собственными глазами: учитель лежитъ навзничъ на лавкѣ, подперши голову руками, и дремлетъ; въ избѣ тишина, потому что рабочее населеніе на работѣ, а нерабочіе—на улицѣ; тишина нарушается только крикливымъ, бессмысленнымъ до смѣшнаго чтеніемъ,—нѣтъ, не чтеніемъ, здѣсь не годится это слово,—а какимъ то не человѣческимъ говоркомъ—псалтыря или часовника по складамъ, тѣмъ удивительнымъ складамъ, которые состояются изъ приспомятныхъ „азовъ“. Иногда учитель съ просонковъ грубымъ и хриплымъ голосомъ направляетъ ученика и большею частью не удачно, потому что въ книгу не смотритъ, а знакомство его съ псалтырью и часовникомъ весьма ограничено. Мальчикъ, не обращая вниманія на поправки, продолжаетъ свое, совершенно неудобопонятное; бормотанье. Когда же учитель встаетъ съ лавки, наскучивъ своимъ продолжительнымъ лежаньемъ, и начинаетъ ходить по избѣ, то безтолковыя поправки сопровождаются теревками. Иногда мальчикъ всплачетъ и всхлипыванья его мѣшаются съ чтеніемъ, а учитель видимо раздражаясь, учащаетъ теревки и наконецъ таки повлечетъ маль-

чугана на *новѣть*, чтобы задать ему деру: въ этомъ отношешии ему предоставлена неограниченная власть... И это цѣлые дни съ утра до вечера, цѣлые недѣли въ самое веселое лѣтнее время. За то каждое утро и всякій вечеръ мальчишъ кричитъ “благимъ матомъ,„ не смотря на угрозы стца.—И все таки выучиваются, и грамотны: истинно крѣпка натура русскаго человѣка. Но: кажется, что про людей, такимъ путемъ достигшихъ грамотности, смѣло можно сказать: ихъ не выучили грамотѣ, а сами они выучились, и горькимъ тернистымъ путемъ добрались до искуства читать и писать.

Ученье продолжается иногда до 15—16-ти лѣтъ, конечно не подъ-рядъ, съ промежутками, то есть вплоть до того времени, когда устьянскій юноша долженъ идти въ отлучку, на работы виѣ родины: или на судахъ, или гребенками торговать. Безъ этихъ отлучекъ, которыя тоже нѣкоторымъ образомъ имѣють воспитательное значеніе, какъ высшее учебное заведеніе для устьянца, рѣдко обходится дѣло. Отлучки продолжаются до женитьбы, а иногда и дольше. Осѣвшіеся дома гребенщики рассказываютъ о Петербурской жизни охотно, но безъ особеннаго восторга: видно, что тамъ, какъ говорится, “ничего не забыли,„. Женщины въ Петербургъ попадаютъ рѣдко, да ихъ и нетянетъ туда. Отъ одной старухи, навѣщавшей больного сына, мы слышали очень интересный рассказъ о ея путешествіи и петербурской жизни, которая ей очень не понравилась. Къ сожаленію, мы не записали этого разсказа и перезабыли подробности, въ которыхъ заключается вся своеобразность и весь комизмъ его, — помнимъ только, что она окончила этими словами: “ну его, этотъ Питеръ, сама не поѣду, и другимъ закажу!„. А сынъ ея глубокомысленно и съ видомъ знатока прибавилъ: “знамое дѣло, столица — одно слово!„

Переходимъ къ литературѣ, на сколько успѣли съ ней ознакомиться путемъ личныхъ наблюденій.

VII.

ЛИТЕРАТУРА.

Самымъ характернымъ явленіемъ мѣстной литературы намъ показались „бывальщины“, то есть рассказы о разныхъ происшествіяхъ изъ обыденной жизни въ юмористическомъ родѣ. Эти народныя новеллы, преобладающія въ устьянской литературѣ, показываютъ, что мѣстная словесность имѣетъ направленіе, такъ сказать, художественно-реальное. Она вовсе лишена—во первыхъ, историческаго элемента, потому что въ ней мы не встрѣчаемъ ни былинъ, ни историческихъ пѣсень, во вторыхъ,—элемента чисто фантастическаго: творчество устьянца вращается около настоящей дѣйствительной жизни и ограничивается тѣмъ или инымъ комбинаціемъ ея фактовъ, не выходя изъ предѣловъ возможнаго, изъ границъ житейской правды. Устьянецъ солиденъ, практиченъ въ литературѣ, какъ и въ жизни, находя излишнимъ мѣнять дѣйствительность на міръ фантастическій. Самый фантастическій изъ всѣхъ слышанныхъ нами рассказовъ „о кунеческой дочкѣ“ исполненъ юмористическими подробностями, которыя совершенно миряты съ несообразностью цѣлаго: это своего рода „Телемахида“, нелишенная интереса и поэзіи. Къ сожалѣнію, намъ не удалось записать этого длиннаго рассказа.—Въ отношеніи—же къ обыденной жизни устьянецъ является юмористомъ и сатирикомъ. На какія—же явленія направленъ устьянскій юморъ, кого и за что онъ бьетъ, во имя какаго идеала? Само собой разумѣется, что идеаль весьма мелокъ—и кругозоръ юмора довольно тѣсенъ, соразмѣрно съ уровнемъ умственнаго развитія, по бьетъ онъ вѣрно и толково. Въ устьянскихъ повеллахъ осмѣиваются по преимуществу: несообразительный дѣтина, лишенный практическаго смысла, мужикъ глупѣе бабы, котораго баба уму—разуму учитъ, потому—глупое

самодовольство, не сознающее своей глупости, торжествующее в минуты своего полнѣйшаго посяраженія, котораго оно по глупости своей не видитъ и не сознаетъ; за тѣмъ—легковѣріе, которое легко поладается на удочку, и—на конецъ—неряшество, не умѣющее или нежеланье управлять, какъ слѣдуетъ, хозяйственными дѣлами. Отъ сюда ясно, что идеаль устьянской литературы: смысленный мужикъ—хозяинъ, не встающій никогда въ смѣшное или глупое положеніе, находчивый, чуждый бахвальства, солидный и сдержанный. Изъ записанныхъ нами „бывальщинъ“ приведемъ здѣсь 4, которыя достаточно познакомятъ съ содержаніемъ и характеромъ словесныхъ произведеній этаго рода.

1.

Рубилъ мужикъ дрова. Взлѣзъ на ель, сѣлъ на сучекъ и сталъ его подрубить. Идетъ мимо солдатъ, да и говоритъ: „мужикъ, мужикъ, вѣдь ты упадешь!“ — Какъ упаду, отчего упасть, думаетъ мужикъ—и рубить себѣ, тюкаетъ. Подрубилъ, да съ суккомъ—то и слетѣлъ, парохнулъся на—земь.—Ахъ, ты, чертъ тѣ дери,—и взаболъ упалъ: видно, солдатъ—то все впередъ знаетъ. Дай—ка догону его, спрошу, сколько коровъ: коли скажетъ, всѣхъ ему отдамъ!—Догналъ онъ солдата—и кричитъ: „солдатъ, солдатъ,—угадай, сколько у меня коровъ: обѣ твои!“ —Двѣ! сказалъ солдатъ.—Ахъ, ты, чертъ тѣ дери! вѣдь знаетъ,—ну, твои коровы, забирай ихъ... Пошли.—Ну, жена, подавай солдату коровъ,—онъ все знаетъ: я спрошалъ его, сколько, говорю, у меня коровъ, угадай—обѣ твои,—онъ и угадалъ.—Заругалась баба: „дуракъ ты, дуракъ, дуракъ во поле, самъ ты сказалъ обѣ твои, какъ же не угадать ему, что двѣ! —Проглала она солдата и коровъ не дала.

2.

Была у мужа жена—перяха, да и лѣнливая такая: ни ложекъ, ни плосекъ не мыла.—Коли мужъ не помоетъ, она и

пальцем не дотреть. Вот и надумали они: кто первый другъ дружкѣ слово какое промолвить, тому—значить—и мыть, и прибирать.

Годъ проходитъ—слова другъ дружкѣ не промолвили, все молчать. Такъ изъ немытой посуды и ѣдятъ.—Что на ней грязь—то на приставало, съ аршинъ поди—ка будетъ!

Одинова и зашелъ въ избу бурлакъ: „хозяйева, пустите отдохнуть!“ молчать. Спросилъ бурлакъ поужинать, —баба подаетъ и все молчить. Поужиналъ бурлакъ, идти собрался: “что, хозяйева, за ужинъ то возьмиё?” Молчать. Подивился бурлакъ, пошелъ своимъ путемъ—дорогой и думаетъ: „что за диковина такая, молчать,—что ты ни дѣлай, слова не промолвять! Взялъ онъ да и воротился, вошелъ опять въ избу, да надъ хозяйкой—то и надругался.... Молчать. Плюнулъ бурлакъ и пошелъ.

—Ахъ, ты мужъ—дуракъ!—заголосила жена: даль ты надъ своей плотью надругаться, слова молвить не хотѣлъ!—

А тотъ съ нечи—то: „тебѣ, тебѣ плошки и ложки мыть, тебѣ въ избѣ прибирать!“

3.

Вышла дѣвка замужъ, а у нея голубчикъ былъ. Вотъ она ему, голубчику—то, и говорить: „какъ ни на есть, а ужъ я тебя пушу къ себѣ первую ночку почевать!“ Ну, ладно. Обвѣнчали ихъ и на подслѣтъ положили. Лежить молодая, слышать—коровы мычать. „Охъ тошнѣховько, заголосила она: первую ночку уснуть не дадутъ, надо идти коровъ загонять!“ А мужъ—то ей: „лежи ужъ, я схожу!“ Пошелъ онъ, а она голубчика—то впустила—и дверь на крючекъ. Побѣжалъ мой Павелъ, это молодой—то, въ

одной рубахѣ, босикомъ, а дѣло—то зимой, въ морозъ было,—загналь коровъ и тихохонько стучится. „Кто тамъ? Что это такое, первую—то ночку уснуть не дадутъ!“—Это я, Авдотья, Павелъ, — впусти!— „Какой тамъ Павелъ, развѣ окаянный дьяволъ, у меня Павлушко—голубчикъ на ручкѣ спитъ!“—Какъ-же это: задумался мой Павелъ: полно я-ли ужь это?—а онъ недоумокъ былъ: постой-же, пойду къ вороному жеребцу—онъ ни кому, окромя меня, поглядить не дается,—коли дастся—такъ я, не дастся—не я.—Пошелъ къ жеребцу, поглядиль: я!—Опять стучится.... Пропускаемъ здѣсь подробности: молодая заставила мужа всю ночь пробѣгать,—ваконецъ бѣдняга видитъ, что не попасть ему къ женѣ, зашелъ тихонько въ избу и легъ на печь.... Утромъ молодая выпустила голубчика, вышла къ свекру и къ свекровѣ: „ахъ, батюшка съ матушкой, какого вы дурака женили, первую-то ночку да всю и пробѣгаль, одну меня оставилъ!“—А тотъ съ печи-то захлопаль въ ладоши: „вотъ такъ, говорить, дурь—то и все обманываютъ!“.

4.

Была у мужа жена—перво-на-перво-баловница, второе—легковѣрная,—всему что ей ни скажутъ, вѣрила. Одинова мужъ нарубилъ въ лѣсу дровъ, пріѣхаль домой да и говорить: „жена, жена, явился въ лѣсу угодникъ, Никола Дуилинскій: что у него попросишь—такъ тому и быть!—Ой—ли, мужъ! да гдѣ-же это?—Онъ ей и мѣсто разсказаль.—Ладно—же! думаетъ она.—Вотъ на другой день уѣхаль мужъ по дрова, а жена—то сейчасъ снарядилась, забралась въ лѣсъ да и молится: „батюшко, Никола Дуилинскій! ослѣпи и оглуши моего мужа! ослѣпи и оглуши моего мужа!“ А тамъ изъ дупли—то ей и отвѣчаетъ: „ладно! поди ты домой, напеки блиновъ, да ругулекъ, навари каши, да масла побольше припаси, чтобы поволожиѣ, и накорми мужа!“.

Жена такъ и сдѣлала. Нарубилъ мужъ дровъ, пріѣхалъ до-
мой обѣдать, а жена ему: „мужъ!, ты ужь не ѣзди сегодня за
дровами—то: я напекла блиновъ да рогулекъ, каши наварила,—
поѣшь--ка!“ Хорошо, жена, подавай!—Наѣлся онъ блиновъ, и
рогулекъ, и каши.—Ой, жена,—говорить—я что-то худо вижу!—
„Да что-же это съ тобой, мужъ,—дѣло то выходитъ не ладно!—Ой, жена, да
я и не слышу! Положи-ко меня на печь, теперь ужь я дѣлать ни
чего не могу, да положи рядомъ—то со мной ружье,—дай мнѣ
хоть поддержать—то его, теперь ужь мнѣ изъ него не стрѣливать!—
Жена положила его на печь и ружье ему подала. Вотъ мимо-то
и идетъ ея любовникъ. „Фроль, Фроль, зайдика!, мужъ-то у
меня ослѣпъ и оглохъ, а я напекла блиновъ да рогулекъ,—заходи,
поѣшь!—Зашель Фроль.—Погоди ѣсть-то, я тебѣ масла съ погребца
принесу!—Пошла она за масломъ, а мужъ—то нацѣлился изъ
ружья да Фролку—то и убилъ; потомъ сошелъ съ печки, да въ
ротъ—то ему и напѣхалъ блиновъ—будто подавился Фролка. При-
шла жена: : „ой, Господи, Фролка-то подавился!... Мужъ, а мужъ,
вотъ Фролка мимо шель, я позвала его блины ѣсть, а онъ и по-
давился!—Ахъ, жена, мнѣ теперь полегчало, ужь я не много
слышу,—что ты надѣлала, куда мы его теперь денемъ! Постою-ка, и
видѣть начинаю съ перетур-то.... У пона помочь, я стану его туда!-

Взялъ онъ Фролку, приволокъ въ поповой избѣ, поставилъ
къ притолкѣ, а самъ какъ хватить коломъ въ окошко, да и
бѣжать. Сейчасъ изъ поповой избы выбѣжалъ народъ, всѣ—зна-
чить—пьянешеньки: кой лѣшій тутъ въ окно коломъ хватилъ? По-
шелъ прочь!—Нейдетъ Фролка.—Постой—же! зарычалъ одинъ
мужикъ, да-коломъ-то какъ хватить Фролку по головѣ, такъ Фролка
на-взничъ и опрокинулся.—Ахти, ребята, что я надѣлалъ-то!—Какъ
посмотрѣлъ, такъ Фролку и узналъ: ахъ—ты, Фролка, Фролка! ты-
бы пришло да по просилъ, я бы тебѣ пива—то сидову

вынесъ!—Что дѣлать съ Фролкомъ? Взялъ онъ его, за озеро перевезъ, да въ господскомъ саду у яблони и поставилъ. Увидѣлъ Фролку садовникъ: кто тамъ? Нѣтъ отвѣта.—Эй, какой лѣшій тутъ у яблони стоитъ?—Нѣтъ отвѣта. Обозлился онъ, взялъ пистолеть и выстрѣлилъ. Какъ выстрѣлилъ, тотъ и повалился.—Ахъ ты, Боже мой, да это Фролка! Ахъ ты, Фролка, Фролка! ты—бы пришелъ да попросилъ, такъ я-бы тебѣ яблочковъ то цѣлый пестеръ наклалъ?—Что теперь дѣлать? Убилъ я Фролку!—Взялъ онъ да посадилъ его въ лодку, весла въ руки сунулъ и пустилъ по теченію. А тутъ рыбаки тоню закинули,—видятъ: плыветъ въ лодкѣ человекъ и прямо въ тоню.—Эй! лѣшій, не ѣзди въ тоню-то, полѣвѣй или поправѣй держи! Не слышитъ—плыветъ себѣ прямехонько въ тоню. Одинъ рыбакъ обозлился да и хватъ Фролку весломъ. Ростянулся Фролка по лодкѣ.—„Ахъ, батюшки—да это Фролка! Что теперь братцы, дѣлать, убилъ я Фролку! Ахъ ты—Фролка, Фролка! ты-бы пришелъ да попросилъ, я-бы тебѣ рыбы—то цѣлую зобеньку далъ!“ Взяхъ рыбакъ Фролку изъ лодки, камень на шею, да и въ воду: тѣмъ его похождения и кончились.

Таковы устьянскія новеллы. Мы записали ихъ съ возможною точностію и выбрали изъ записанныхъ наиболѣе характерныя. Въ устномъ разказѣ онъ очень интересны и отлично характеризуютъ мѣстное народное творчество.

Изъ множества припѣвовъ, поговорокъ, прибаутокъ мы обратили вниманіе на припѣвъ, который обыкновенно поется надъ цвѣткомъ полевой ромашки или—по народному—надъ попомъ, въ чашечкѣ котораго живутъ маленькія насѣкомыя, называемыя собаками или коровами. Въ деревняхъ Грязовецкаго уѣзда, гдѣ барство и крестьянство очень близко соприкасались между собою, надъ попомъ обыкновенно поютъ:

Попъ, попъ!
Выпусти собакъ:
Конь во ржъ,
Въ золотой уздѣ,
Баринъ ѣдетъ,
Озимь топчетъ!„

Тутъ слышится жалоба на жестокое барство, обращенье за помощью, севозить угнетенный, безомощный, жалкій крѣпостной быть. Не то въ нашемъ промышленномъ угольѣ,—и падъ “пономъ„ онъ вынаруживаетъ свою зажиточность и хозяйственность:

“ Попъ, попъ,
Выпусти коровъ,
Дамъ пирога
Гороховика,
На красной ложкѣ,
На черной поваренкѣ!„

Такъ—и въ мелкихъ припѣвахъ выражаются вліянія, подъ которыми сложилась народная жизнь.

Въ заключеніе приведемъ оригинальный образецъ сатирической устьянской пѣсни, записанной нами на базарѣ въ с. Устьѣ. Въ ней характеризуется около 20 изъ устьянскихъ и вообще со-сѣднихъ деревень съ цѣлью осмѣянія. Конечно, для насъ смыслъ пѣсни значительно ослабѣваетъ, потому что въ характеристикахъ заключаются намеки на событія и личности, для насъ неизвѣстныя, почему многое что злитъ и раздражаетъ какаго нибудь шпыловскаго или лахмобурскаго старожилы, намъ вается лишеннымъ всякой ѣдкости и злости. Но мы слышали пѣніе этой пѣсни на базарѣ, гдѣ стеклась вся волость, при такихъ обстоятельствахъ, что не имѣемъ возможности сомнѣваться въ ѣдкомъ сатирическомъ смыслѣ ея для устьянщины. Пѣвца, который самъ не былъ сочи-

телемъ пѣсни, болѣе или менѣе извѣстной во всей волости, по-
жительно хотѣли вздуть, и онъ едва—едва ушелся отъ разоби-
женной толпы. Вотъ эта пѣсня:

“ Хороша наша компанья,
Кто не хвалить, тотъ—каналья;
Хороша наша волостка,
Про нее слава худая.
..... деры (*) на голо—
То *Устьяна* мужики;
Живодеры на—голо—
То *Сельски* (**) мужики;
Толстоперсты, бривоперсты
Шыловскіе мужики;
Вотъ безъ хлѣба у воды
Оприсновскіе;
Толстоваты, мѣшковаты—
То *Даниловскіе*;
Зубаны—то на—голо—
То *Климушинскіе*;
Неспокойные сосѣди—
То *Давыдовскіе*;
По два очепы въ рюху (‡)—
То *Данилихински*;
Ощюлы на—голо—
То *Зародовскіе*;
Подъ озеромъ живутъ—
То *Данниковски* мужики;
Замараны вброта—

(*) Слово неудобное для печати.

(**) Селища—каз. дер. при р. Кихте, не принадлежавшая въ Устьянской волости.

То *Филисовскіе*;
Вотъ веткахи и пепряхи—
Тутъ *Шлющевскія* бабы,
Не твуть, не прядутъ,
Солдатамъ деньги отдають;
Безъ угля куютъ—
То *Деревенски* (*) мужики;
Вотъ уроды на—голо,
Те *Ивакинскіе*;
Вы вотены на—голо,
То *Бьлавинскіе*;
На чужое фарсоваты—
То *Борисовскіе*;
По чужимъ бабамъ ходить—
То *Останковскіе*;
Кто захочетъ попилить,
Тотъ въ *Темцыно* сбѣжить;
Даровое вино пить—
Митяковски мужики;
Вотъ Москва—то на—голо—
Одарьинскіе;
На дорогу выбѣгають—
Васиковски мужики,
Бойкія дѣвченки—
То *Кормилооскія*;
Дажмокурски мужики:
Перву тоню заметали
Имъ два мерина попали,
Другу тоню заметали,

(*) Деревенька казенная деревня.

Имъ вѣдила съ жеребцомъ,
Третью тоню заметали,
Имъ три дѣвушки попали. „

Говорятъ, что за эту пѣсню пѣвунновъ болачивали. Очень вѣроятно: бывальщины содержатъ юморъ, чуждый личностей, некасающійся мѣстностей, юморъ, не лишенный, если не общечеловѣческаго, то, такъ сказать, обще—устьянскаго смысла;—пѣсня-же приведенная нами, прямо указываетъ на извѣстныя отдѣльныя мѣста; на извѣстныя происшествія, даже, по всѣмъ вѣроятностямъ, на лица,—слѣдовательно, быть гораздо чувствительнѣе, и по малой мѣрѣ равняется, по своему щекочущему характеру, нашимъ обличительнымъ повѣстямъ и сатирамъ въ стихахъ и прозѣ. А извѣстно даже малому ребенку, что на Руся отвѣтомъ на обличенія, хотя—бы и безымянныя, появляются сжатые кулаки даже въ высоко—образованныхъ кружкахъ. Изъ всей исторіи о приведенной пѣснѣ читатель можетъ заключить, что и въ Устьянской волости обличительная литература не одобряется.

VIII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заключеніе наше будетъ коротко и представитъ отнюдь не рѣшительный, а робкій и скромный выводъ изъ фактовъ, собранныхъ въ этой статьѣ. Намъ кажется, что эти факты нѣсколько подтверждаютъ нижеслѣдующія мысли, не разъ приходившія намъ въ голову, но вовсе не вошедшія въ общее сознаніе:

1) Русскій мужикъ вовсе не поставленъ—ни окружающей его природой, ни характеромъ своимъ, ни извѣстностями, ни уста-

повышися образомъ его жизни—въ исключительное положеніе земледѣльца: гдѣ удалось ему сколько нибудь легко и вольно дохнуть, гдѣ мѣстныя и житейскія условія сколько нибудь поблагопріятствовали, тамъ онъ съ охотой и умѣньемъ, на ряду съ земледѣліемъ, берется за промышленное дѣло, обнаруживая при томъ необходимую смысленость и промышленную ловкость.

2) Русскій мужикъ по натурѣ вовсе не консерваторъ, чуждающійся грамотности, общенія и всякихъ нововведеній: если онъ видитъ ихъ непосредственную практическую примѣнимость, онъ толково понимаетъ важность и значеніе этихъ полезныхъ вещей въ томъ случаѣ, когда его экономическія условія сносны и дозволяютъ ему помыслить о чемъ нибудь, кромѣ куска хлѣба и уплаты податей да оброковъ.

Воронежъ.

1866 г. Мая 26.